

doi:10.22363/2313-2337-2017-21-4-508-527

РОССИЙСКИЙ ПРОТЕКТОРАТ НАД БУХАРОЙ В ОЦЕНКАХ БУХАРСКОЙ ЭЛИТЫ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.¹

Р.Ю. Почекаев

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Юридический факультет

198099, Санкт-Петербург, Россия, Промышленная ул., 17

В статье анализируются сведения и оценки представителей бухарской правящей и интеллектуальной элиты 1870–1910-х гг. о правовых преобразованиях, произведенных российскими властями в Бухарском эмирате, с 1868 г. попавшем под протекторат Российской империи. Привлечены труды ряда авторов, являющихся как чиновниками бухарских эмиров, одни из которых критиковали политику властей (А. Дониш, А. Сами), другие были полностью лояльны ей (Садр и Зийа, Салимбек), так и оппозиционерами — сторонниками реформ (А. Фитрат, С. Айни).

С использованием историко-правового, формально-юридического, сравнительно правового анализа дается характеристика отношения представителей местной элиты к вмешательству имперских властей в дела Бухары в целом, а также их оценка изменений, произошедших после установления российского протектората в отдельных сферах правоотношений — налоговой, торговой, уголовно-правовой и процессуальной, а также в области здравоохранения.

Социальный статус и политические взгляды представителей бухарской элиты современников, работы которых анализируются, во многом повлияли на их оценку преобразований, произведенных в Бухарском эмирате по инициативе российских властей. Консервативные представители власти весьма критически оценивают эти преобразования и всячески выступают против реформ в Бухаре, реформаторы же (джадиды, младобухарцы) многие нововведения оценивают положительно. Вместе с тем нельзя не отметить довольно противоречивую позицию ряда авторов: приветствуя изменения, которые имперская администрация пыталась провести в Бухаре, они вместе с тем опасались окончательной утраты эмиратом независимости и его дальнейшего развития по «русскому» (т.е. европейскому) пути, без учета национальной и религиозной специфики местного населения, традиций государственности и права Средней Азии. Тем не менее, практически все авторы, несмотря на настороженное отношение к российским правовым преобразованиям, демонстрируют адаптацию к новым политическим и правовым реалиям, осознают, что влияние России на дальнейшее развитие эмирата — свершившийся факт и в ряде случаев даже

---

¹ Статья представляет собой переработанный и дополненный доклад, представленный на XIX Международном конгрессе по источниковедению и историографии стран Азии и Африки (Санкт-Петербург, 21–23 июня 2017 г.).

приводят сведения о том, как они сами или их знакомые научились даже извлекать пользу из изменения правоотношений в той или иной сфере.

Сведения бухарских современников о правовых преобразованиях в Бухаре под российским протекторатом представляют ценное дополнение к правовым памятникам и свидетельствам российских и западных современников, относящимся к этому периоду, и позволяют раскрыть еще один аспект правовой политики Российской империи в Средней Азии.

Ключевые слова: Российская империя; Бухарский эмират; протекторат; реформы; модернизация; имперское законодательство; традиционное право

I. ВВЕДЕНИЕ

Ценные сведения о политике Российской империи в Бухарском эмирате, находившемся с 1868 по 1917 г. под российским протекторатом, содержатся не только в официальной документации русского и бухарского происхождения (нормативных правовых актах, переписке властей различных уровней), но и в свидетельствах современников — российских сановников и чиновников, иностранных путешественников, а также, безусловно — в записках самих жителей Бухары. Отдельные исследователи обращались к свидетельствам среднеазиатских современников, отражающим реалии колониального периода, однако в большей степени рассматривали их именно как источник о политической истории Средней Азии под властью Российской империи (Sangirova, 2003; Babadzhanov, 2004). В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать представления представителей местной элиты о том, как менялись правовые реалии Бухары в период российского протектората, выявить их отношение к реализуемым Россией преобразованиям в эмирате, их оценки проводимых мероприятий.

Объектом анализа являются сочинения шести бухарских авторов, которых объединяет то, что они принадлежали к элите Бухарского эмирата, отличались широким кругозором и хорошим слогом, что делает их труды не только ценными, но и легко читаемыми источниками. Вместе с тем они принадлежали к разным социальным и политическим кругам и, соответственно, по-разному оценивали деятельность российских властей в Бухарском эмирате.

Ахмад Дониш (1827–1897) являлся высокопоставленным сановником бухарских эмиров, но вместе с тем и мыслителем, придерживавшимся просветительских взглядов. В связи с этим он нередко открыто критиковал действия бухарских властей, сравнивая их с политикой Российской империи. Будучи патриотом своей страны, Дониш поначалу воспринял установление протектората над Бухарой как трагедию, однако со временем нашел немало положительного во влиянии России на эмират. Этот подход нашел отражение в произведении «История мангитской династии», представляющем собой часть его незавершенного «Исторического трактата». Это сочинение представляет большую ценность для анализа, поскольку Дониш был свидетелем и участником описываемых им событий, принимал участие и в выработке политических решений эмирата, непосредственно взаимодействовал с высокопоставленными российскими представителями властей — как региональных (туркестанских), так и централь-

ных, поскольку трижды побывал в Санкт-Петербурге в качестве секретаря бухарского посольства.

Мирза Абдал'Азим Сами (ок. 1838 — ок. 1914), подобно Ахмаду Донишу, был бухарским сановником, занимая пост мунши (секретаря) эмира. Соответственно, он также имел возможность лично участвовать в важных политических событиях, в том числе и в сфере русско-бухарских отношений. Однако в начале XX в. он по какой-то причине был удален от двора и, вероятно, именно это повлекло критическую оценку им деятельности бухарских властей в составленной им «Истории мангытских государей». Правда, в отличие от Дониша, Сами не склонен превозносить российскую политику в Бухаре — напротив, на страницах своего произведения он неоднократно выражал надежду на восстановление независимости эмирата.

Мирза Салимбек (1848–1930), потомственный бухарский сановник, последовательно занимал ряд высоких постов — секретаря при эмире Музаффаре, бека Чарджуя при его сыне и преемнике Абдул-Ахаде и, наконец, верховного зякетчи (фактически — министра финансов) при последнем эмире Алим-хане. Его воспоминания под названием «Тарих-и Салими» (т.е. «История Салима») были написаны уже под конец его карьеры, в 1917–1920 гг. и, в отличие от записок Дониша и Сами, отражают крайне консервативные взгляды автора и его безусловную лояльность бухарским правителям — тем большую, что писал он свои мемуары без намерения опубликовать их и тем самым добиться от правителя каких-то дополнительных благ. Он крайне негативно относился к деятельности «неверных» российских властей в Бухарском эмирате и, соответственно, резко осуждал любые попытки преобразований, предпринимавшиеся местными реформаторами под влиянием России. Тем не менее, как мы покажем ниже, он сам сумел приноровиться к новым политико-правовым реалиям и даже извлекать выгоду из отношений с русским чиновничеством.

Мухаммад Шариф Садр-и Зийа (1867–1932) также принадлежал к сановной элите эмирата, некоторое время в 1917 г. занимая даже должность главного кадия (верховного судьи) эмирата. Его взгляды представляют собой нечто среднее между позициями Аздада Дониша и Абдал'Азима Сами с одной стороны и Мирзы Салимбека с другой: демонстрируя лояльность к эмиру, он, вместе с тем, осознавал необходимость преобразований и в начале XX в. оказывал покровительство бухарским реформаторам-джадидам. Его взгляды нашли отражение в его «Рузнома» («Дневнике»), также анализируемом в настоящей статье.

Садриддин Айни (1878–1954), выдающийся таджикский советский просветитель и писатель, в конце XIX — начале XX в. являлся приверженцем движения джадидов, считавших своим вдохновителем Ахмада Дониша² (Becker,

---

² Рзаев А.К., Ташкулов Д. Туси. Дониш. М. : Юридическая литература, 1990. С. 67.

2004:159; Grassi, 2015). В отличие от вышеперечисленных авторов, он не занимал государственных постов и принадлежал, таким образом, не к сановной, а к интеллектуальной элите Бухарского эмирата. Это нашло отражение в его произведениях — «Воспоминаниях» и «Истории мангытских эмиров», в которых важные политические события он описывает не в качестве очевидца по рассказам других лиц (в том числе и Дониша). Вместе с тем в его записках приводится немало конкретных фактов российского влияния на правовую жизнь Бухарского эмирата, которое он оценивает с точки зрения обычных местных жителей, тем более что многие конкретные примеры правоотношений в новых условиях он приводит из личного опыта или со слов своих близких знакомых. Впрочем, нельзя не принимать во внимание, что анализируемые сочинения Айни были написаны им уже в советский период, так что, вполне возможно, он несколько преувеличил положительный характер российского влияния в Бухаре в дореволюционный период по сравнению с тем, как он мог его оценивать непосредственно на рубеже XIX–XX вв.³

Наконец, последний из авторов анализируемых нами сочинений, Абдур-Рауф Фитрат (1886–1938), как и Айни, относится к интеллектуальной, а не к сановной элите, поскольку происходил из купеческой семьи, а потом предпочел заняться научной и общественной деятельностью. Его публицистическое произведение «Рассказы индийского путешественника (Бухара как она есть)» является своего рода «популярным изложением» программы бухарских реформаторов-джадидов. Фитрат однозначно одобряет многие направления политики российских властей в Бухаре (неслучайно русский перевод его произведения был опубликован в 1913 г. в российском Самарканде), что представляется весьма показательным, учитывая, что автор провел несколько лет в Турции и, соответственно, должен был бы в большей степени выступать сторонником реформ не по российскому, а младо-турецкому пути.

Таким образом, в нашем распоряжении имеются записки представителей различных групп бухарской элиты, анализ и систематизация которых позволяют сформировать целостное и объективное представление о том, как различные социальные слои и политические группы бухарского общества оценивали режим российского протектората в Бухарском эмирате, его последствия для политического и правового развития государства.

---

³ Исследователи считают, что С. Айни поначалу был представителем «мягкого» течения реформаторов, ограничивавшихся просветительскими целями, и лишь со временем перешел на позиции радикальных джадидов, придерживавшихся антифеодальных и антимонархических взглядов (Казумова, 1997:51).

II. УКРЕПЛЕНИЕ ВЛИЯНИЯ РОССИЙСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В БУХАРСКОМ ЭМИРАТЕ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ

Наиболее противоречивы, на наш взгляд, сведения анализируемых источников о положении Бухарского эмирата и его правителей по отношению к Российской империи, о процессе укрепления российского контроля над Бухарой.

Так, А. Дониш трижды (в 1857–1858, 1869–1870 и 1873–1874 гг.) побывал в составе бухарских посольств в Санкт-Петербурге и имел возможность убедиться в многих преимуществах России по сравнению с Бухарой, что, собственно, и обусловило его реформаторские воззрения, изложенные в том числе в дневнике его путешествия в Петербург⁴ (Khaydarov, 2012:11). Его политическим идеалом, как ни странно, стала система управления, существовавшая в России, и император, по его мнению, мог бы стать образцом для бухарских монархов, как правитель, установивший и поддерживающий порядок в государстве⁵ (Yuldashev, 1963:56). Но при этом, несмотря на преимущества, А. Дониш весьма далек от мысли, что вхождение в состав России пойдет на пользу Бухаре — напротив, он весьма болезненно реагирует на позорный мир 1868 г., превративший эмират в протекторат Российской империи, необходимость выплаты контрибуции и т.д.

При этом в течение конца 1860-х — 1870-х гг. в Бухаре еще питали надежду на то, что Россия возвратит эмирату отторгнутые от него территории (в частности, города Самарканд и Джизак), уповая на то, что другие великие державы сдерживают агрессивные устремления русских. Весьма показательным в этом плане сообщение А. Дониша о том, что русские имеют намерение вырезать все местное мусульманское население Самарканда, и только Османская империя, Франция и Индия (т.е. Великобритания) не позволяют им сделать это.

Тем не менее, в записках ученого неоднократно проскальзывает опасение, что русские скоро захватят и оставшуюся часть эмирата — что противоречит его же собственному (и вполне обоснованному) мнению о том, что русским выгодно не захватывать страну, поскольку сохранение власти эмира позволило им экономить средства, которые пошли бы на изменение системы управления в Бухаре⁶.

А. Дониш осуждает робкую и нерешительную позицию эмира Музаффара по отношению к России, в частности, проявившуюся даже в том, что правитель не осмеливался самостоятельно решать проблему нехватки воды для столицы,

---

⁴ Любопытно отметить, что и сам эмир Абдул-Ахад (первый бухарский монарх, вступивший на престол при прямой поддержке Российской империи) в свое время побывал в Петербурге и отразил свои впечатления в личном дневнике (Yastrebova, 2004).

⁵ Рзаев А.К., Ташкулов Д. Указ. соч. С. 114.; Айни С. Воспоминания / пер. с тадж. А. Розенфельд. М.;Л.: Издательство АН СССР, 1960. С. 789.

⁶ Дониш А. История мангитской династии / пер. И.А. Наджафовой. Душанбе: Дониш, 1967. С. 80, 87.

сложившуюся после захвата русскими Самарканда и установления контроля над верховьями р. Зеравшан, питавшей также и Бухару. Русские же, как полагал А. Дониш, готовы были решить эту жизненно важную проблему лишь после того, как полностью присоединят территорию эмирата к своим владениям⁷. Впрочем, по мнению ученого, эмир Музаффар, фактически подчиняясь России, все же формально сохранял самостоятельность своего государства, тогда как его сын Абдул-Ахад после вступления на трон даже формально признал вассальную зависимость от Российской империи⁸. Про нового эмира даже говорили, что он практически не бывает в Бухаре, а живет в Кермине, потому что провинился перед русским царем, и тот запретил ему бывать в собственной столице!⁹

Аналогичных взглядов придерживаются и другие местные авторы. А. Сами и Салимбек однозначно осуждают политику имперской администрации, которая, внешне демонстрируя мир и дружбу Бухаре, тем не менее предоставляет убежище противникам эмира — мятежным региональным правителям Бабабеку и Джура-беку, которые даже получили высокие воинские звания русской армии, а также племяннику эмира Музаффара, которого последний подозревал в намерении захватить трон¹⁰ (Pierce, 1960:27–28).

В глазах бухарских авторов прокладывание на территории Бухарского эмирата железной дороги, проведение телеграфа, строительство мостов и пр. являлось еще одним символом подчинения Бухары России. Поэтому они весьма одобрительно отзываются о попытках эмира Музаффара не допустить введения этих «новшеств» в эмирате, сокрушаются о том, что эмир под давлением туркестанского генерал-губернатора М.Г. Черняева все же дал согласие, а его сын и наследник Абдул-Ахад сам способствовал строительству железной дороги, телеграфа (владельцем которого он и стал) и пр. при пассивной позиции собственных сановников, которые никак не противились русским предложениям¹¹ (Şadr Ziyā', Shukurov & Shakuri et al., 2004:190–191).

Строительство железной дороги и телеграфа стало в глазах бухарских современников одним из первых этапов подчинения Бухары Российской империи¹². В дальнейшем русские использовали еще несколько поводов для усиле-

⁷ Там же. С. 97.

⁸ Впрочем, подобная позиция нового эмира вполне объяснима: именно благодаря поддержке имперских властей Абдул-Ахад вступил на престол без всякой борьбы за власть. См.: Айни С. История мангытских эмиров // Айни С. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Наука, 1966. С. 299.

⁹ Айни С. Воспоминания. Указ. соч. С. 436.

¹⁰ Мирза Абдал'Азим Сами. Та'рих-и салатин-и мангитийа (История мангытских государей) / пер. Л.М. Епифановой. М.: Наука, 1962. С. 113–114; Мирза Салимбек. Тарих-и Салими (Источник по истории Бухарского эмирата) / пер. Н.К. Норкулова. Ташкент: Akademiya, 2009. С. 48–49.

¹¹ Дониш А. Указ. соч. С. 111; Мирза Абдал'Азим Сами. Та'рих-и салатин-и мангитийа (История мангытских государей) / пер. Л.М. Епифановой. М.: Наука, 1962. С. 1118; Мирза Салимбек. Указ. соч. 2009. С. 65–66.

¹² При этом нельзя не отметить, что и железнодорожное сообщение, и телеграф (в отличие от многих

ния своего контроля над эмиратом и его правителем. Первым из них стало назначение русского «консула» (т.е. императорского политического агента) в Бухаре, чего крайне не хотели представители эмирской администрации, опасаясь вмешательства этого представителя имперских властей во внутренние дела эмирата. Российские власти уверяли, что в задачу этого дипломатического чиновника будет входить только защита русских подданных на территории Бухары, однако бухарские сановники не без оснований сомневались в том, что он этим ограничит свою деятельность¹³.

И их сомнения оправдались в 1888 г., когда был убит главный зякетчи Мухаммад-Шариф-диванбеги, считавшийся сторонником российских интересов в Бухаре. Его убийство стало поводом для активного вмешательства имперских властей в процесс расследования, причем в качестве подозреваемого был допрошен даже сам эмир, сумевший, впрочем, доказать свою непричастность к убийству¹⁴. С этого времени в столице эмирата говорили, что отныне господом богом для Бухары стал туркестанский генерал-губернатор, а политический агент — его пророком!¹⁵ А. Сами язвительно писал, у эмира осталось совсем немного полномочий: назначить пять-шесть чиновников да собрать налоги для русской казны¹⁶.

Наконец, завершающим этапом административного подчинения эмирата России, по мнению, современников, стали события религиозного конфликта в Бухаре — суннитско-шиитской резни в январе 1910 г.

Эмир Абдул-Ахад выказал полную неспособность самостоятельно справиться с волнениями (его солдаты и офицеры сами становились в конфликте на сторону своих единоверцев), что и заставило задействовать в их подавлении сначала охрану императорского политического агентства, а затем и перебросить в Бухару дополнительные войска. Русские власти, как и во время убийства Мухаммад-Шарифа-диванбеги, сами провели расследование, возложив вину за резню на руководство шиитской диаспоры, что послужило поводом для отстранения от власти сановников-шиитов и замены их суннитами (Şadr Ziyā', Shukurov & Shakuri et al., 2004:255–256; Tukhtametov, 1977:44).

других преобразований, осуществленных российскими властями в Бухаре) вводились в эмирате на основе соглашений с эмиром, т.е. формально соблюдался суверенитет Бухарского эмирата, и эти действия юридически осуществлялись в формате международного сотрудничества (Logofet, 1909:218–221).

¹³ Мирза Салимбек. Указ. соч. С. 70–71.

¹⁴ Айни С. История мангытских эмиров. Указ. соч. С. 299; Мирза Абдал'Азим Сами. Та'рих-и салатин-и мангитийа (История мангытских государей). Указ. соч. С. 117–118.

¹⁵ Айни С. Воспоминания. Указ. соч. С. 725.

¹⁶ Мирза Абдал'Азим Сами. Та'рих-и салатин-и мангитийа (История мангытских государей). Указ. соч. С. 120.

В результате этих событий на территории Бухары (формально — столицы независимого государства) было организовано российское полицейское управление, две трети суммы на содержание которого должен был выплачивать эмир (Tukhtametov, 1977:46).

Беспомощность эмира, таким образом, послужила поводом для очередного активного вмешательства России во внутренние дела Бухары и вновь поднять вопрос о возможном упразднении эмирской власти и включения Бухары в состав империи (Carrère D'Encausse, 2009:90; Khalid, 2000:384). Все это в глазах представителей бухарской элиты выглядело как окончательная утрата Бухарой самостоятельности.

Религиозные радикалы стали обвинять даже самого эмира Абдул-Ахада в том, что он симпатизирует шиитам (которых большинство населения Бухары считали агентами российского влияния (Tukhtametov, 1977:33), а его сын и наследник Алим-хан вообще воспитывается в Петербурге в христианском духе. Все это должно было, как утверждали представители антироссийских кругов Бухары, закончиться окончательным присоединением Бухары к России и запретом мусульманского вероисповедания. Помимо эмира доставалось также бухарским государственным деятелям и джадидам, выступавшим за реформы. Так, Салимбек критикует деятельность Мирзы Насруллы кушбеги, который в начале 1910-х гг. выступал за проведение частичных реформ¹⁷ и, по словам автора, «на каждой улице, на базарах Бухары и в вилайатах... устраивал скопища джадидов и продвигал свои дела». Самых же джадидов Салимбек и его единомышленники обвиняли в сближении с русскими и даже в том, что они готовы носить русскую одежду¹⁸.

III. ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И СУДЕБНОЙ СФЕРЕ

Российские власти старались внести изменения в сфере уголовно-правовых и процессуальных отношений в Бухарском эмирате. С. Айни приводит яркие примеры вмешательства российского политического агентства и туркестанских властей в судопроизводство эмирских чиновников. При этом имперские власти настаивали на отказе эмирской администрации от жестоких наказаний за ряд преступлений и до определенной степени преуспели в этом: вскоре после вступления на престол эмир Абдул-Ахад отменил самое варварское наказание — сбрасывание с минарета, а также закрыл зиндан — подземную тюрьму при

---

¹⁷ Насрулла-бек парвоначи стал первым министром эмира под влиянием российских властей, добившись отставки его предшественника — Астанакула-кушбеги, придерживавшегося крайне консервативных позиций (Khalid, 2000:378).

¹⁸ Мирза Салимбек. Указ. соч. С. 139.

своем дворце, перестал превращать казни в некое подобие общественных празднеств¹⁹ (Becker, 2004:157).

Однако когда они попытались воздействовать на эмира с целью отмены суровых наказаний за религиозные преступления, их действия оказались не столь успешными. Дело в том, что Бухара на протяжении многих веков являлась среднеазиатском центром мусульманской культуры и образования, в т.ч. и в сфере правоуправления, и установление над ней российского протектората не изменило этой ситуации (Khalid, 2000:372).

С приходом к власти династии Мангытов (на рубеже XVIII–XIX вв.) начались конфликты между эмирами и мусульманским духовенством по поводу судебных полномочий: влиятельные улемы настаивали на том, что вмешательство правителей в дела правосудия противоречит шариату, и во время правления Абдул-Ахада существенно усилили свои позиции, взяв в свои руки решение большинства гражданских и уголовных дел (Abdirashidov, 2016:104; Sartori, 2016:196, 220). Вмешательство же России в этих условиях они трактовали как как посягательство на религиозные основы жизни населения эмирата, и с подачи улемов несправедливый суд стали называть «русским судом»²⁰.

Впрочем, изначально поводом для вмешательства русских властей в уголовно-правовую сферу отношений в эмирате формально являлась защита интересов русских подданных: согласно действовавшему законодательству, все гражданско-правовые споры и уголовные дела с участием подданных Российской империи должны были решаться в русском суде (политического агентства и Самаркандской области). Это, как отмечает тот же С. Айни, заставило многих бухарцев принимать российское подданство, тем самым приобретая судебный иммунитет в эмирате. Стражники эмира не имели права задерживать этих ново-явленных русских подданных, а должны были через кушбеги (первого министра эмира) информировать императорского политического агента о правонарушении, и он либо сам выносил решение или приговор, либо же просто «принимал к сведению» такую информацию²¹.

В результате многие авантюристы, перестав быть подданными эмира, даже начали заниматься различной профессиональной деятельностью, не получая обязательного в таких случаях разрешения эмирских властей. С. Айни расска-

---

¹⁹ Айни С. Воспоминания. Указ. соч. С.827.

²⁰ Айни С. Воспоминания. Указ. соч. С. 720–724. Это в значительной степени противоречит информации российских чиновников в Бухаре, согласно которой русский суд, напротив, воспринимался местным населением как более справедливый и гуманный, и многие жители даже свои внутренние споры (т.е. не только с русско-подданными и другими иностранцами) пытались решать в русских судебных инстанциях (Pochekaev, 2004:199–200). Даже А. Дониш, говоря о взятии русскими Ташкента, упоминает, что русские сразу же установили там справедливый суд, который даже принимал сторону слуг, споривших со своими хозяевами. Дониш А. Указ. соч. С. 57.

²¹ Айни С. Воспоминания. Указ. соч. С. 681.

зывает, как его знакомый, пользуясь неграмотностью чиновников и стражников и их незнанием, как должны выглядеть русские паспорта, избежал ответственности, предъявив представителям власти некую яркую бумагу с изображением русских геральдических знаков — потом оказалось, что это была упаковка от русского мыла с изображением медалей, полученных им на специализированных выставках!²²

IV. ИЗМЕНЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

В экономической сфере современники весьма сурово критикуют отсталость эмирата по сравнению с Россией, затрагивая такие аспекты как налогообложение, промышленность, торговля, сельское хозяйство.

Одним из существенных доводов в пользу антироссийских настроений, по мнению местных авторов, стало существенное повышение налогов, которые шли в российскую казну. Прежде всего речь идет об огромной контрибуции, для выплаты которой эмир практически грабил своих подданных²³. При этом, как отмечает А. Дониш, русских подобная позиция вполне устраивала: «Между тем русские чиновники хорошо понимали, что контрибуцию они сами не смогут собрать в казну, поскольку открытая тирания и насилие не свойственны их законам и поскольку они сверх установленного порядка на большее не осмеливаются. Они видели, что эмир пьет кровь своего народа, и им это было приятно и они говорили, согласно стиху: “Откуда бы ни совершалось убийство, — все нам на пользу. Когда жители города станут бессильными, то после того, как одержим победу и завладеем им [городом], — сохранить и удержать их в подчинении будет легче”».

Другие сборы осуществлялись эмиром для даров и взяток российским властям. Так, чтобы получить воду от самаркандских властей, эмир Музаффар объявил чрезвычайный сбор в 100 000 таньга, которые были переданы русским чиновникам, в ведении которых находилось водоснабжение Самарканда и Бухары. Его сын Абдул-Ахад, отправляясь в Санкт-Петербург, собрал 45 млн таньга «на подарки и подношения», т.е. для даров императору и взятки сановникам²⁴.

Многие члены движения джадидов происходили из купеческой среды (сам лидер движения А. Фитрат был сыном богатого бухарского торговца), а некоторые и сами занимались предпринимательской деятельностью (Carrère D'Encausse, 2009:88, 95). Неудивительно, что в своей политической программе младобухарцы большое внимание уделяли вопросам развития торговли и про-

---

²² Там же. С. 682–687.

²³ Там же. С. 182; Дониш А. Указ. соч. С. 69. Иностранцы современники, побывавшие в Бухаре, отмечают, что выплаты в пользу России нередко становились просто поводом для повышения налогов и сборов в результате не только политики эмирского правительства, но и злоупотреблений отдельных чиновников (Blagoveshchenskiy, 2006:268–269).

²⁴ Дониш А. Указ. соч. С. 80, 110, 115.

мышленности в Бухаре соответственно, в сочинениях А. Фитрата и С. Айни дается анализ экономического положения эмирата, подчеркиваются преимущества ведения дел русскими купцами и промышленниками. Так, А. Фитрат отмечает, что бухарские купцы стараются не столько получить прибыль, сколько подчеркнуть масштабы своей деятельности, при этом нередко действуя себе же в убыток — например, старясь купить максимум товара и переплачивая за него, чтобы прослыть самым крупным торговцем. В таких условиях, продолжает ученый, купцы конкурируют между собой, не имея возможности обрести крупный капитал для ведения действительно крупных дел — в отличие от русских купцов, которые издавна организуют товарищества и используют объединенные капиталы для выгодных сделок²⁵. Еще А. Дониш предлагал создать в Бухарском эмирате государственный банк, который оказывал бы поддержку местным предпринимателям (Yuldashev, 1963:58), однако его идеи вызвали осуждение со стороны ревностных приверженцев ислама, заявлявших, что дача денег под проценты противоречит шариату²⁶.

Русские эффективно использовали отсутствие промышленных традиций в Бухаре, организуя на территории эмирата собственные заводы и фабрики, тем самым разоряя местных мелких производителей. В какой-то мере этому способствовали эмиры и сановники, сами обращавшиеся к русским властям с предложениями организации в Бухаре промышленных предприятий. Так, вскоре после вступления на трон Абдул-Ахад (по совету А. Дониша) предложил создать в Бухаре завод для изготовления сахара и сладостей из овощей и фруктов, большое количество которых пропадало из-за невозможности продать их²⁷.

Весьма противоречиво складывалась ситуация в сельскохозяйственной сфере. С одной стороны, бухарские власти и население негативно относились к европейским методам обработки земли — по их словам, так «обрабатывают землю в аду черти»²⁸. В результате все попытки русских властей и отдельных специалистов по сельскому хозяйству внедрить передовые технологии неизменно заканчивались провалом.

С другой стороны, эмирские власти не могли отказать российским предпринимателям в аренде земель, которые те орошали и возделывали так, как считали нужным. Впрочем, время от времени отдельные консервативно настроенные региональные правители-беки осмеливались отказать русским, несмотря на их привилегированное положение. Салимбек с гордостью пишет в своих мемуарах, как он сумел заставить русского инженера Ананьева отказаться от претен-

---

²⁵ Абд-ур-Рауф. Рассказы индийского путешественника (Бухара, как она есть) / пер. с перс. А.Н. Кондрагьева. Самарканд: Типо-литография Тов-ва Б. Газаров и К. Слиянов, 1913. С. 94–97.

²⁶ Кадимисты о ссудном проценте / пер. Н.К. Гарипова // Мусульманский мир. 2017. № 1. С. 71–73. С. 72, 74.

²⁷ Дониш А. Указ. соч. С. 116.

²⁸ Абд-ур-Рауф. Указ. соч. С. 65–66.

зий на участок земли, который тот (по его собственным словам) оросил и возделал за свой счет — пришлось ему ограничиться арендой участка за 400 руб. в год, причем вся сумма шла самому Салимбеку. Когда же четыре других предпринимателя попытались также взять в аренду земли (причем достаточно запущенные и не слишком плодородные), обратившись непосредственно к кушбеги, Салимбек, не имея возможности получить от них доход, добился, чтобы центральные власти отказали им²⁹.

Подобные случаи показывают, что даже явно антироссийски настроенные представители бухарской знати со временем приноравливались к новым реалиям и даже находили возможность извлекать прибыль даже при ведении дел с русскими³⁰. Торговцы же, имея постоянный опыт взаимодействия с российскими партнерами, старались использовать самые разные возможности получения прибыли — порой даже в весьма специфических сферах. С. Айни вспоминает, как один купец мочил хлопок перед взвешиванием, а потом долго просушивал его. На вопрос, зачем он это делает, тот объяснил, что русские страхуют хлопок по весу, поэтому если его взвесить мокрым, а затем, после доставки в пункт назначения — сухим, окажется, что товар потерял в весе, и есть возможность получить страховое возмещение за потерянный вес³¹.

С. Айни и А. Фитрат неоднократно подчеркивают в своих сочинениях, что несовершенство хозяйства и экономических отношений в Бухаре тем более очевидно, что рядом, в соседнем Самарканде такое же население живет гораздо лучше, эффективнее ведет хозяйство и не страдает от разорительных поборов властей³².

V. ПОПЫТКИ ИЗМЕНЕНИЙ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Еще одна сфера, в которой русские власти старались проводить преобразования, вызывает полное одобрение прогрессивных бухарских современников — речь идет о медицине, гигиене и санитарии в Бухаре. Еще в 1890-е гг. имперской администрацией предпринимались первые попытки повышения уровня бухарской медицины: создавались больницы с русским персоналом, проводилась профилактика и лечение болезней, борьба с эпидемиями. Однако населе-

²⁹ Мирза Салимбек. Указ. соч. С. 116–120.

³⁰ По сведениям С. Айни, сам эмир Абдул-Ахад имел немалый доход от торговли каракулем в России. См.: Айни С. История мангытских эмиров С. 304.

³¹ Айни С. Воспоминания. Указ. соч. С. 461–462.

³² Абд-ур-Рауф. Указ. соч. С. 75, 79. Оснований для таких сравнений было предостаточно, поскольку российская администрация сохранила в Туркестане и некоторые институты, действовавшие ранее под властью Бухары — например, местное самоуправление, осуществляемое аксакалами. Бухарские реформаторы, таким образом, видели, что даже традиционные институты функционируют под российской властью эффективнее (Morrison, 2008:114). Впрочем, в своих записках Фитрат зашел так далеко, что даже экономическую политику англичан в Индии оценивал выше, чем деятельность бухарских властей (Khalid, 2004:260).

ние в течение длительного времени не доверяло русским медикам, против которых его также настраивало и духовенство, обвинявшее русских врачей в том, что их деятельность противоречит шариату. Не без доли юмора С. Айни описывает ситуацию в связи с эпидемией холеры в 1893 г.: бухарские власти, опасаясь владений, официально запретили лечить бухарских подданных в русской больнице, и «теперь “задачей” больницы было уничтожение лишь русских подданных», за которыми «охотились» казаки из императорского политического агентства, приходившие в дом к больному и требовавшие предъявить документы — если больной оказывался русско-подданным, его доставляли в больницу³³.

Неоднократно в Бухаре бывали медицинские комиссии по борьбе с эпидемиями и риштой (ленточным червем). Они проводили исследования и давали рекомендации эмирским властям по улучшению санитарной ситуации в столице — следовало осушить болота, вырыть новые каналы, очистить улицы и запретить продажу на них еды³⁴. Однако эмир и его сановники запросили улемов, будут ли эти действия соответствовать шариату, на что, естественно, получили отрицательный ответ³⁵. В результате эмир не только не выполнил рекомендаций, но даже отказался приказать своим чиновникам, чтобы те запретили жителям пить сырую воду (из-за чего у многих и возникла болезнь ришты), хотя это не должно было ничего стоить эмирской казне³⁶.

В 1895 г. инженер Х. Гельман, используя поддержку русского политического агентства, добился согласия правительства эмира на проведение мер по санации городских водоемов Бухары, однако на этот раз проект не был реализован по вине самого эмира, который, узнав, что затраты на него составят 120 тыс. руб., отказался предоставить средства (Becker, 2004:157). Русским медикам удалось добиться только одного — перенести скотобойню из жилой части города на окраину, но и это действие дало повод антироссийским кругам лишний раз обвинить эмира в том, что он подчиняется всем требованиям русских³⁷.

В первом десятилетии XX в. ситуация не изменилась: как сообщает А. Фитрат, бухарские лекари (многие из которых получали знания из старинных книг, унаследованных от предков, также занимавшихся медициной) продолжали обвинять русских врачей в нарушении шариата и призывали бухарцев не лечиться у «кяфиров». При этом сам Фитрат (выступая в собственном сочинении как «индийский путешественник») утверждал, что никаких нарушений шариата в деятельности русского доктора он не видит, в том числе и в строительстве рус-

---

³³ Айни С. Воспоминания. Указ. соч. С. 453.

³⁴ Там же. С. 596.

³⁵ Например, в ответ на рекомендацию подметать улицы, бухарцы стали кричать, что русские намерены «выгнать из Бухары все добро и благодать божью». См.: Абд-ур-Рауф. Указ. соч. С. 50.

³⁶ Айни С. Воспоминания. Указ. соч. С. 869–893.

³⁷ Там же. С. 596–599.

ских больниц³⁸. Противники российской медицины в Бухаре распускали слухи также о неопытности русских врачей, в результате возникали интересные казусы: бухарцы из знатных и богатых семейств в случае болезни не обращались к русским медикам в Бухаре, а предпочитали ехать в русское поселение в Чарджуе или даже в Самарканд и лечиться у тамошних докторов — также русских!³⁹

При этом стоит отметить несколько двойственную позицию бухарских современников-джадидов в отношении русской медицины (равно как и культурной сферы в целом). С одной стороны, они признают необходимость повышения уровня чистоты в городе и проведения медицинских мероприятий — профилактики и лечения болезней, предупреждения эпидемий и пр., но при этом стараются найти некую «золотую середину» между современными европейскими достижениями в этой сфере и соблюдением принципов шариата. Именно поэтому многие представители реформаторского движения склонялись больше к заимствованию не российского опыта преобразований в Туркестане, а результатов реформ в Османской империи (в частности и анализируемый нами А. Фитрат, четыре года обучавшийся в Турции⁴⁰ [Abdirashidov, 2016:103; Akhatova, 1998:4; cf. Voboyorova, 2010:8–9]). Вероятно, именно эта протурецкая ориентация джадидов в течение длительного времени заставляла имперские власти относиться к ним с подозрительностью, несмотря на реформаторский характер их движения, в целом соответствующий и целям модернизации в эмирате, реализуемой российской администрацией⁴¹.

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, несмотря на противоречивое (и, как мы убедились, преимущественно критическое) отношение бухарской элиты к российским преобразованиям в эмирате, в начале XX в. российский протекторат стал осознаваться как свершившийся факт и неотъемлемая часть политической и социально-экономической жизни Бухары. Изменения, проведенные русскими, невозможно было игнорировать, и часть элиты сумела даже приспособиться к новым реалиям.

---

³⁸ Абд-ур-Рауф. Указ. соч. С. 46–49, 52.

³⁹ Айни С. Воспоминания. Указ. соч. С. 452.

⁴⁰ Первое джадидское общество было также образовано в 1909 г. именно в Стамбуле — столице Османской империи (Becker, 2004:162).

⁴¹ В течение долгого времени консервативно настроенные круги самой Российской империи были вполне довольны состоянием дел в Бухаре и осознали необходимость преобразований лишь в начале XX в. В результате имперскую администрацию не устраивали позиции ни консервативных бухарских чиновников, ни радикальных реформаторов-джадидов (Khalid, 2000:386; Morrison, 2008:91). В этот же период реформаторское движение возникло и в Русском Туркестане, однако младотуркестанцы (в отличие от младобухарцев) придерживались менее «туркофильских» позиций (Grassi, 2011:5–6).

Никоим образом не рассматривая Бухару как часть Российской империи, представители местной элиты не могли игнорировать факт ее участия в общеимперской политике и, как следствие, старались анализировать даже внешнюю политику России с точки зрения ее последствий для Бухарского эмирата. Так, А. Сами и Садр-и Зийа в своих записках довольно много внимания уделяют событиям русско-японской войны 1904–1905 гг.

Привыкнув к этому времени считать Российскую империю едва ли не самой могущественной в мире державой, бухарские современники испытали нечто вроде шока, узнав о понесенном ей поражении от какой-то Японии. Подобное событие не могло быть рационально объяснено в привычных им категориях⁴², поэтому единственным «разумным» объяснением стало божественное вмешательство. И у А. Сами, и у Садр-и Зийа в записках присутствует суждение, что ранее Россия (в период Петра I и его преемников) возвысилась благодаря справедливому правлению и постоянно побеждала, теперешний же царь Николай II стал поступать несправедливо, притеснять собственных подданных, особенно мусульман, что и привело к его поражению. Япония же победила, потому что, как пишет А. Сами, ступила «на путь искания истинной веры». Теперь, продолжает историк, Бухара может воспользоваться ослаблением России и вернуть те земли, которые империя отторгла у нее почти сорок лет назад⁴³ (Şadr Ziyā', Shukurov & Shakuri et al., 2004:217–220; Kositova, 2017:68–69).

Садр-и Зийа также обращает внимание и на другие политические события, участником которых была Российская империя. Так, он осуждающе говорит о захвате русскими Маньчжурии, много пишет о борьбе «британского льва» и «русского медведя» за Иран, который в его интерпретации предстает «слабым зайцем» (Şadr Ziyā', Shukurov & Shakuri et al., 2004:223–225, 278–282; Kositova, 2017:67; Shukurov, 2007:34–35).

Однако подобная широта взглядов была характерна для части сановников, представителей торговых кругов, формирующейся бухарской интеллигенции, тогда как основная часть населения продолжала пребывать под влиянием консервативных кругов и радикального мусульманского духовенства и воспринимать процесс модернизации, проводимый русскими, враждебно⁴⁴.

---

⁴² Хотя Садр-и Зийа и приводит вполне объективные причины поражения России: неопытность русских командующих, отсутствие стратегических целей в войне, неподдержание контактов между воинскими соединениями и пр. (Şadr Ziyā', Shukurov & Shakuri et al., 2004:236–237).

⁴³ Мирза Абдал'Азим Сами. Та'рих-и салатин-и мангитийа (История мангытских государей). Указ. соч. С. 120–122.

⁴⁴ Подобный раскол в обществе подтверждается даже в отношении русского языка: С. Айни в своих «Воспоминаниях» не раз упоминает о том, как преследовались студенты медресе и прочие представители простого населения за попытки выучить русский язык и его использование, поэтому его приходилось изучать тайно. Тогда как представители сановной знати не только не скрывали знания русского языка, но и, напротив, считали его своим дополнительным преимуществом в борьбе за власть при дворе. См.: Айни С. Воспоминания. Указ. соч. С. 220–224, 246–251, 394–395. Лишь в начале XX в.

Таким образом, анализ сведений представителей бухарской элиты о российской политике в Бухарском эмирате, учитывая разнообразие представленных в них позиций, позволяет сформировать достаточно объективное представление об отношении местной элиты к действиям Российской империи в своем протекторате в рассматриваемый период — с конца 1860-х до середины 1910-х гг.

Как мы имели возможность убедиться, даже сторонники реформ однозначно положительно воспринимали все преобразования, проводимые российскими властями в Бухаре, полностью одобряя любые попытки их вмешательства во внутренние дела эмирата. Ни один из авторов (за исключением С. Айни в его «послереволюционный» период жизни) не отождествлял себя с Россией, с подданством ей. Поэтому в их оценках российской политики в Бухаре отчетливо просматривается патриотическая линия, а также у ряда авторов — и приверженность к исламу. Эти факторы обусловили в значительной степени негативное отношение к российской политике в эмирате даже тех авторов, которые традиционно считаются в науке симпатизирующими России и ее прогрессивным мероприятиям в Бухаре — в частности, таких как А. Дониш и С. Айни.

Наконец, следует учитывать, что в ряде случаев информация, представленная в анализируемых источниках, имеет разное происхождение, включая несколько «слоев»: ряд случаев авторы описывали по рассказам очевидцев, другие — как свидетели и участники событий, по некоторым же событиям они дают не только описание, но и собственные оценки и суждения (интерпретации). Учет этих моментов позволил провести более объективный анализ оценок представителями бухарской элиты российской правовой политики в Бухаре эпохи протектората, тем самым продемонстрировав важность исследуемых текстов как ценного источника по истории правовой политики Российской империи на «национальных окраинах».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- Abdirashidov, Z. (2016) Known and Unknown Fitrat: Early Convictions and Activities // *Acta Slavica Iaponica*. 37, 103–118.
- Akhatova, D. A. (1998) *Prosveitel'sko-pedagogicheskie vozzreniya Abduraufa Fitrata* [Enlightening and Pedagogic Views of Abdurauf Fitrat]. Author's Abstract of Dissertation of Candidate of Pedagogical Sciences. Uzbek Scientific Research Institute of Pedagogical Sciences named after T.N. Kari-Niyazov. (in Russian)
Ахатова Д.А. Просветительско-педагогические воззрения Абдурауфа Фитрата : автореф. ... канд. пед. наук. Ташкент, 1998.
- Babadzhanov, B. (2004) Russian Colonial Power in Central Asia as Seen by Local Muslim Intellectuals. In: Eschment, B. & Harder, H. (eds.). *Looking at the Coloniser: Cross-Cultural*
-

официально было разрешено преподавание русского языка в школах, открытых джадидами (Boboerova, 2010:3).

- Perceptions in Central Asia and the Caucasus, Bengal and Related Areas*. Würzburg, Ergon Verlag, pp. 75–90.
- Becker, S. (2004) *Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924*. London, New York, Routledge.
- Blagowietschensky, G. (2006) *Die wirtschaftliche Entwicklung Turkestans*. Translated from German by Zakharova, L. A. In: *Istoriya Kazakhstana v zapadnykh istochnikakh XII–XX vv*. T.V: Nemetskie issledovateli v Kazakhstane. Ch. 1 [History of Kazakhstan in Western sources of the 12th – 20th cc. Vol. 5. German scholars in Kazakhstan. Pt. 1]. Almaty, Sanat, pp. 241–282. (in Russian)
- Благовецкий Г.* Экономическое развитие Туркестана // История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. Т. V: Немецкие исследователи в Казахстане. Ч. 1 / пер. с нем. Л.А. Захаровой. Алматы: Санат, 2006. С. 241–282.
- Boboyorova, L. Kh. (2010) *Ayni i tadjhikskaya prosvetitel'skaya literature* [Ayni and Tajik enlightening literature]. Author's Abstract of Dissertation of Candidate of Philological Sciences. Tajik National University. (in Russian)
- Бобоерова Л.Х.* Айни и таджикская просветительская литература : автореф. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2010.
- Carrère D'Encausse, H. (2009) *Islam and the Russian Empire: Reform and Revolution in Central Asia*. London, I.B. Tauris.
- Grassi, E. (2011) *Tajik literature between reforms and revolutions (1870–1954)*. PhD Thesis. Università degli Studi di Napoli L'Orientale.
- Grassi, E. (2015) The Manuscripts of the Works by Aḥmad Dāniš and his Popularity as a “Precursor” of the Bukharan Jadids. In: Chiara, M. De & Grassi, E. (eds.) *Iranian Languages and Literatures of Central Asia (From the 18th Century to the Present)*. Paris, Peeters Publishers, pp. 233–258.
- Kazymova, G. (1997) Dzhadidizm i stanovlenie obshchestvenno-filosofskikh vozzreniy S. Ayni [Jadidism and Formation of Social-Philosophical Views of S. Ayni]. *Obshchestvennyye nauki v Uzbekistane* [Social Sciences in Uzbekistan]. (5), 49–52. (in Russian)
- Казымова Г.* Джадидизм и становление общественно-философских воззрений С. Айни // Общественные науки в Узбекистане. 1997. № 5. С. 49–52.
- Khalid, A. (2000) Society and politics in Bukhara, 1868-1920. *Central Asian Survey*. 19 (3-4), 364-393. Available from: doi:10.1080/026349300750057991.
- Khalid, A. (2004) Visions of India in Central Asian Modernism: The Work of Abd ar-Ra'uf Fitrat. In: Eschment, B. & Harder, H. (eds.). *Looking at the Coloniser: Cross-Cultural Perceptions in Central Asia and the Caucasus, Bengal and Related Areas*. Würzburg, Ergon Verlag, pp. 253–274.
- Khaydarov, A. A. (2012) *Reformatorskie vzglyady Akhmada Donisha v obnovlenii sistemy obrazovaniya v Bukharskom emirate (XIX i nachalo XX vekov)* [Reformative Views of Ahmad Donish on the Renovation of the Education System in the Bukharan Emirate (19th and beginning of the 20th centuries)]. Author's Abstract of Dissertation of Candidate of Pedagogic Sciences. The Finance and Economics Institute of Tajikistan. (in Russian)
- Хайдаров А.А.* Реформаторские взгляды Ахмада Дониша в обновлении системы образования в Бухарском эмирате (XIX и начало XX веков) : автореф. ... канд. пед. наук. Душанбе, 2012.
- Kositova, U. F. (2017) «Ruznoma» («Dnevnik») Sadri Zie i osobennosti tadjhikskoy memuaristiki v kontse XIX i nachale KhKh vekov [“Ruznoma (“Diary”) of Sadri Ziyoy and specific features of Tajik memoirist literature at the end of the 19th — beginning of the 20th centuries].

- The Dissertation of Candidate of Philological Sciences. Khujand State University named after academician B. Gafurov. (in Russian)
- Коситова У.Ф.* «Рузнома» («Дневник») Садри Зие и особенности таджикской мемуаристики в конце XIX и начале XX веков : дисс. ... канд. филол. наук. Худжанд, 2017.
- Logofet, D. N. (1909) *Strana bespravniya. Bukharskoe khanstvo i ego sovremennoe sostoyanie* [The Land of Lawlessness. Bukharan Khanate and Its Present Status]. Saint-Petersburg, V. Berezovskiy publ. (in Russian)
- Логофет Д.Н.* Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб. : Издательство В. Березовский, 1909.
- Morrison, A. S. (2008) *Russian rule in Samarkand, 1868–1910: A comparison with British India*. Oxford, Oxford University Press.
- Pierce, R. A. (1960) *Russian Central Asia 1867–1917. A Study in Colonial Rule*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press.
- Pochekaev, R. Yu. (2004) Rossiyskiy sud v Bukharskom emirate i ego rol' v protsesse frontirnoy modernizatsii [Russian Court in the Bukharan Emirate and its Role in the Frontier Modernization Process]. In: *Sborniki Prezidentskoy biblioteki. Seriya «Istoricheskoe pravovedenie*. [The Presidential Library Collections. Series: “Studia Historica-Juridica”]. Issue 2. Saint Petersburg, Prezidentskaya biblioteka imeni B.N. El'tsina, pp. 188–203. (in Russian)
- Почекаев Р.Ю.* Российский суд в Бухарском эмирате и его роль в процессе фронтальной модернизации // Сборники Президентской библиотеки. Серия «Историческое правоведение. Вып. 2: Российская судебная власть в контексте историко-правовых исследований. СПб. : Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. С. 188–203.
- Sadr Ziyā', S., Shukurov, R., Shakuri, M. & Allworth, E. (2004) *The Personal History of a Bukharan Intellectual*. Leiden, Brill.
- Sangirova, D. Kh. (2000) “*Tarikhi Azizi*” — vaznyi istochnik po istorii izucheniya tsarskogo kolonial'nogo perioda [“Tarikhi Azizi” as an Important Source on History of Tsarist Colonial Period]. Author's Abstract of Dissertation of Candidate of Historical Sciences, Institute of Oriental Studies named after Abu Raykhan Biruni of the Academy of Science of Uzbekistan. (in Russian)
- Сангирова Д.Х.* «Тарихи Азизи» — важный источник по истории изучения царского колониального периода : автореф. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2000.
- Sartori, P. (2016) Ijtihād in Bukhara: Central Asian Jadidism and Local Genealogies of Cultural Change. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 59 (1–2), 193–236. Available from: doi:10.1163/15685209-12341397.
- Shukurov, R. (2007) Anatomiya otchuzhdeniya: voobrazhaemaya karta mira v “Dnevnikе” Sadr-i Ziya [Anatomy of Estrangement: Imaginary Map of the World in the Diary of Sadr-i Ziya]. *Iran-name*. (3), 29–39. (in Russian)
- Шукуров Р.* АНАТОМИЯ отчуждения: воображаемая карта мира в «Дневнике» Садри Зийа // Иран-наме. 2007. № 3. С. 29–39.
- Tukhtametov, T. G. (1977) *Rossiya i Bukharskiy emirat v nachale XX veka* [Russia and the Bukharan Emirate in the Beginning of the 20th Century]. Dushanbe, Irfon. (in Russian)
- Тухтаметов Т.Г.* Россия и Бухарский эмират в начале XX века. Душанбе : Ирфон, 1977.
- Yastrebova, O. (2004) The Bukharan Emir Abd ak-Ahad's Voyage from Bukhara to St. Petersburg. In: Eschment, B. & Harder, H. (eds.). *Looking at the Coloniser: Cross-Cultural Perceptions in Central Asia and the Caucasus, Bengal and Related Areas*. Würzburg, Ergon Verlag, pp. 63–74.

Yuldashev, K. (1963) O sotsial'no-ekonomicheskikh vozzreniyakh Akhmada Donisha [On the Social-Economical Views of Ahmad Donish]. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane* [Social sciences in Uzbekistan]. (10), 55–58. (in Russian)

Юлдашев К. О социально-экономических воззрениях Ахмада Дониша // *Общественные науки в Узбекистане*. 1963. № 10. С. 55–58.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Почекаев Роман Юлианович — кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Юридический факультет, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург.

ORCID: 0000-0002-4192-3528

Контактная информация:

e-mail: gorot@mail.ru

Для цитирования:

Почекаев Р.Ю. (2017) Российский протекторат над Бухарой в оценках бухарской элиты конца XIX — начала XX в. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2017. Т. 21. № 4. С. 508–527, doi:10.22363/2313-2337-2017-21-4-508-527

RUSSIAN PROTECTORATE OVER BUKHARA AS IT EVALUATED BY BUKHARAN ELITE OF 19TH — BEGINNING OF 20TH CENTURY

Roman Yu. Pochekaev

National Research University Higher School of Economics — Saint Petersburg Law Faculty
17, Promyshlennaya st., Saint-Petersburg, Russia, 198099

Goal. Article devoted to analysis of information and evaluations of the members of the Bukharan elite of the 1870s — 1910s on legal transformations made by Russian authorities in the Bukharan Emirate which since 1868 was under the protectorate of the Russian Empire. Author used works of contemporaries — Bukharan officials who were loyal to emir's government (Sadr-i Ziya, Salimbek) or criticized them (A. Donish, A. Sami) as well as oppositionists who demanded reforms (A. Fitrat, S. Ayni).

Methods. Using methods of historical legal, formal legal and comparative legal analysis the author characterizes attitude of contemporaries on the interference of the Russian authorities in the internal affairs of Bukhara in general and their evaluation of transformations made by Russians in different fields of legal relations — taxation, trade, criminal and judicial and even the public health.

Results. Author finds that social status and political vies of members of the Bukharan elite (authors of analyzed works) substantially affected their evaluation of transformations made in the Bukharan Emirate with initiative of Russian authorities. Conservative officials criticized these transformations and opposed any reforms in Bukhara. Reformers (jadids or Young Bukharans) evaluated many of transformations positively. At that it makes sense to note the contradictory position of some authors: they welcome changes carried out by Russian authorities but at the same were afraid that Emirate would lose completely its independence to Russia and its development would continued in the “Russian” (i.e. European) way without considering national and religious specific features, traditions of Central Asian

state and law. Nevertheless, in fact, all authors demonstrated their adaptation for new political and legal realities, realized that influence of Russia became “fait accompli” and sometimes even gave information on getting out profit (by themselves or their familiars) in the changed circumstances in different fields of legal relations.

Conclusions. The information of Bukharan contemporaries on the legal transformations in Bukhara under the Russian protectorate is a valuable addition to the legal monuments and notes of Russian and western contemporaries related to this subject.

Key words: Russian Empire; Bukharan Emirate; protectorate; reforms; modernization; imperial legislation; traditional law

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Roman Yu. Pochekaev — Candidate of Legal Sciences, Associate professor, Professor, Head of the Theory and History of Law and State Department, Law Faculty, National Research University Higher School of Economics — St. Petersburg.

ORCID: 0000-0002-4192-3528

Contact information:

e-mail: ropot@mail.ru

For citation:

Pochekaev, R. Yu. (2017) Russian Protectorate over Bukhara as It Evaluated by Bukharan Elite of 19th — beginning of 20th Century. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki* [RUDN Journal of Law]. 21 (4), 508–527. Available from: doi:10.22363/2313-2337-2017-21-4-508-527.